

так называемый “синдром отсутствия аттестата”, когда стало возможным передавать свои мысли, не заботясь о средствах их фиксации. Более того, в отдельных компьютерных играх пропагандируется искаженный язык общения, т.е. сознательно вводится орфография, не соответствующая действующим нормам. Неподчинение условиям игры приводит к исключению игроков, которые не придерживаются этих правил. Такая языковая политика в сфере компьютеризации способна разрушить грамматическую систему любого языка, закрепить ложные нормы в сознании пользователей электронных игр.

Искажение норм литературного языка не только деформирует разговорный дискурс, внося в него деструктивные элементы, но и позволяет отдельным носителям языка переносить подобные новации и на профессиональную сферу коммуникации, в том числе и на профессиональные жаргоны, что проявляется, например, в юридическом дискурсе: *Ксюша* (Конституционный Суд Украины), *Вася* (Высший апелляционный суд) и т.д.

Подобные изменения в языковой ситуации в современной Украине не только разрушают национальный язык, а и дискриминируют ее культуру, образование и интеллектуальный потенциал общества в целом, неоправданно занижая его реальные возможности, что не может не вызывать серьезных опасений как у лингвистов, так и у всего социума.

Колесникова І. А. Про деякі парадокси мовної ситуації в сучасній Україні.
У статті проаналізовано деякі парадокси мовної ситуації в сучасній Україні.
Ключові слова: мовна ситуація, сучасна Україна, парадокс.

Kolesnikova I. Some paradoxes of language situation in Ukraine.
This article analyzes some paradoxes of language situation in modern Ukraine.
Keywords: language situation? modern Ukraine, paradox.

Кувшинова Н. М.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ПУТИ ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ В СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В русском языке значительную часть иноязычных слов составляют немецкие лексические заимствования, анализ которых позволил автору продемонстрировать широкий спектр процессов семантического освоения немецких заимствований и определить те исторические условия, которые способствовали заимствованию немецких

слов. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: немецкие лексические заимствования, семантический объём, собственно немецкие слова, язык-посредник.

Проблема лексических заимствований занимает одно из главных мест в языкознании, так как заимствование иноязычных слов – это один из путей пополнения словарного состава языка любого народа. Обогащение русского языка лексическими заимствованиями вследствие его взаимодействия с другими языками (в нашем случае – немецким) остаётся актуальной, так как речь идёт о поступательном, непрерывном развитии и совершенствовании его языковой системы.

Хронологический аспект изучения языковых контактов влияет на теоретическое осмысление научного подтверждения факта заимствования. Учёные неоднозначно определяют точку отсчёта в истории заимствования. К примеру, Г. Хютль-Ворт таковой считает первую фиксацию иноязычного слова [14]. Э. Я. Райст сформулировал возможные пути “предыстории” слова в заимствующем языке. Один и тот же иноязычный материал может пройти несколько актов заимствования [8]. Видимо, обе точки зрения заслуживают внимания при анализе динамики немецких заимствований в русском языке.

Большую группу иноязычных заимствований в русском языке составляют немецкие слова. Целью данной статьи является выяснение характера немецких заимствований в русском языке, выделение семантических групп, которые они образуют, и выявление тех исторических условий, которые способствовали процессу заимствования немецких слов, так как, по мнению многих лингвистов, исторические связи народов следует считать основной причиной заимствований.

Установление контакта между Германией и Россией относится к началу XI века: обмен послами, налаживание родственных связей немецким и русским царствующими домами. В XII веке происходит укрепление немецко-русских отношений за счёт торговли немецких купцов с русскими. Были выявлены торговые договоры немцев с Новгородом и Смоленском, заключенные – один в 1195 году, другой – в 1229 году [4, с. 348]. В XIV веке на берегах Балтийского моря северогерманские города организовали торговый и политический союз Ганзу. Большую роль в торговле с Ганзой играла Русь. „Значение Новгорода и других русских городов в торговле Ганзы было настолько велико, что порой крупные события в России служили предметом особых обсуждений на съезде ганзейских городов, как это было в 1381 году, когда ганзейские купцы получили известие о Куликовской битве“, пишет известный историк М. Н. Тихомиров [12, с. 191].

Устойчивые торговые сношения с Германией в XI–XIV вв. способствовали заимствованию русским языком слов из немецкого языка,

обозначающих: а) *название тканей и других пошивочных материалов*: скорлат или скарлат (позже - шарлат) – дорогая ткань, шида – шёлк, бархат (бархот), кордуван – вид кожи, идущей на пошивку обуви; б) *деньги, мера веса и прочие слова*: пенязь В – старая монета, шелег (шеляг) – неходячая монетка, бляшка; фунт (пунт); фальшивый [1, с. 345]. Названия немецких монет были переданы русским через Польшу. Это вполне естественно, так как Польша вела оживлённую торговлю, как с Германией, так и с Россией.

Разорительные войны сменялись временным перемирием, и тогда на Русь приезжал немецкий титулованный народ – герцики или герьцюки, т. е. герцоги, тянулись потешники, которых на Руси по-немецки называли шпильманы. Появление слова „шпильман“ в русском языке датируется В. А. Богородицким XIII веком, хотя встречается датировка данного слова XI веком [1, с. 345]. Возможно, что слово вошло в устный язык в XI веке, а зафиксировано в памятниках в XIII веке.

В XV веке в царствование Ивана III происходит образование Русского централизованного государства. Западные историки отмечают, что его правление характеризуется установлением всевозможных связей Москвы с Западом [15, с. 54]. Эти связи укреплялись и расширялись преемником Ивана III. В XV – XVII в. Россия имеет очень тесные военные контакты с Германией. При Иване IV на русскую военную службу приглашаются немецкие военные специалисты, используется немецкая боевая техника [3, с. 200], а с начала XVII века, с царствования Бориса Годунова, в России вообще появляются наёмные немецкие войска. Такое непосредственное влияние немцев на военное дело в России отразилось в языке в виде следующих заимствований: а) *воинские звания, чины и должности*: вахмейстер, фельдфебель, обергофмаршал, фельдмаршал, оберстер, рейтар (райтар, райтав), кампан, маршал, ротмистр (ритмистр, рохмистр); гетман, лейтенант (лютман, летнейт, лентнан, лютенант), офицер, прохвост; б) *военное оружие*: аркебуза, патрон, алебарда (галебарда, гилбарда, аляборды, алебард), бердыш, лядунка (ладунка), пуля (пулька, пулка), цель, шомпол (шонпул), олстра (олстро, онстра), протазан (протозан, пратазан), гаубица (гоубица); в) *прочие военные термины*: цейхгауз (цекауз, цегоус, цейгауз и др. варианты), вахта, шанцы, шанец (шанц), штурм, вербовать, шурмовать, панцирь (пансырь, панцырь), фляст; г) *морские термины*: юнга (юнк), комяга (комага).

В связи с тем, что Германия самостоятельно, без чьей-либо помощи развивала своё военное дело, в немецкой военной терминологии мало заимствований. Большинство военных слов было передано русским непосредственно, особенно это относится к лексике, обозначающей военные чины, должности и звания. Но названия военного оружия и некоторые другие военные термины пришли в русский язык через Польшу, вынужденную, соседствуя с воинственной Германией и не отказываясь от участия в войнах с

другими странами, постоянно быть в курсе вооружения Германии и по возможности перенимать у неё всю передовую военную технику.

В 1676 году по распоряжению царя Якоб Айзенбергер отправляется вновь в Германию для набора новой группы немецких мастеров, которые должны были обучить русских добыче и переработке металлов, а также легированию. Обращение за помощью к Германии вовсе не случайно, так как в XVI–XVII вв. по технике горного дела и искусству горняков эта страна стояла на первом месте в мире.

Резкое увеличение немецких заимствований в русском языке наблюдается в конце XVII (с 1695 года) – начале XVIII века, т. е. с приходом к власти Петра Великого. Пётр I, взяв за образец систему правления Германии, пригласил из этой страны чиновников, юристов, писцов и секретарей. В 1699 г. была осуществлена реформа Московского городского управления, после чего служащих стали именовать по немецкому подобию “бурмистрами” [2]. Названия многих известных городских сооружений заимствованы из немецкого языка: *шлюссельбург, кронштадт, цейхгауз, кунсткамера, биржа, адмиралтейство* [7]. Деятельность немецких специалистов по организации системы управления в России открыла путь для новых немецкоязычных заимствований типа *юстиц-коллегия, берг-коллегия, кригсколлегия* и *комерц-коллегия* [7], например: “*Старая боярская дума не приспособлена ни къ ихъ новымъ формамъ, ни къ новымъ учреждениямъ съ ихъ странными для старинного русского уха названіями – ратуша, бурмистерская палата, генераль-пленипотенціалъ и кригсъ-комиссаръ, рекет-мейстеръ и т. п.*” [6, с. 174]; “*Судьи <...> были совершенно независимы отъ местного начальства: ландрихтеръ или герадсъгевдингъ, обер-ландрихтеръ или лагманъ*” [6, с. 262].

Управленческие реформы этого периода подкреплялись реформами в промышленности, развитии мануфактуры, горного дела, без которых невозможно было укрепить и реорганизовать армию. В Россию были приглашены ремесленники и промышленники из Германии, которые перенесли специальную терминологию в эту отрасль. По данным Н. Ф. Потёмкиной, в этот период активно заимствуется такая лексика, как горная терминология, названия химических соединений, инструментов и механизмов [9]. Из немецкого языка в русский вошли слова из ремесленной и другой профессиональной речи: *бухгалтер, цифра, фура, фурман, кассир, штрих, вексель; цемент, гипс, глазурь, лакировать, полировать, масштаб, шприц* [12]. Немецкие слова появляются в сфере обозначения других видов деятельности человека: *доктор, госпиталь, валторна, блики* и др. [12].

Однако уже в последние годы жизни Петра I против него создаётся дворянская оппозиция, недовольная тем, что царь сильно жалуется

иностранцев. После смерти Петра создались условия для восшествия на престол дочери Петра I Елизаветы. Елизавета дала отставку многим немцам, находившимся на службе в России, и выслала их за пределы страны. Политические события нашли своё отражение в языке. Со 2-й половины XVIII века в языке происходит борьба за его очистку от иностранных, особенно немецких слов. Движение за очистку языка получило название пуризма (от лат. *purus* – чистый). В этот период иноязычные слова заимствуются очень редко и почти совсем нет заимствований из немецкого языка. Однако с 30-х годов XIX века в русский язык снова начинают проникать немецкие слова, но их число крайне ограничено.

В результате проведенного нами анализа все лексические заимствования из немецкого языка периода XVII – XVIII вв. были распределены по группам с учётом характера вхождения в русский язык: 1) собственно немецкие слова, вошедшие непосредственно из языка-донора, а также сложные слова, одна часть которых не является исконной; 2) немецкие слова, пришедшие в русский язык через какой-либо язык-посредник, 3) слова, появившиеся в русском языке через посредство немецкого, хотя их принято относить к другим языкам; 4) слова, испытавшие влияние двух или нескольких языков-посредников, одним из которых был немецкий.

К **первой** группе можно отнести следующие немецкие слова: *арест* (< *Arrést*), *глянец* (< *Glanz*), *клеистер* (< *Kléister*), *колба* (< *Kólbén*), *пастор* (< *Pástor*), *рюмка* (< *Römer*), *флейта* (< *Flöte*) [9]. Анализируя фактический материал исследуемого периода, можно сделать вывод, что большинство “военных” слов вошло в русский язык непосредственно из немецкого языка, особенно это относится к лексике, обозначающей военные чины, должности и звания: *солдат* (< *Soldát*), *фельдфебель* (< *Féldwebel*), *фронт* (< *Front*) и др. Непосредственное участие немцев в военных и других делах России способствовало увеличению лексических заимствований военной тематики. Большинство из них в настоящее время относятся к архаизмам, однако основные военные чины реально существуют в военной современной терминологии. Ср.: “**Рейтары, солдаты и драгуны, вербуемые больше из недостаточных классов...**” [5, с. 203]; “**Всё больше людей военных – *фенриховъ, поручиковъ и капитановъ немецкихъ полковъ морской службы***” [6, с. 31]; “**То опалить ему лицо пороховой вспышкой при какомъ-нибудь *штурмъ***” [6, с. 40]. Хотя некоторые исследователи (к примеру, Н. Ф. Потёмкина [10]) отмечают, что отнесение части иноязычной лексики к немецким заимствованиям проблематично, так как некоторые слова вошли в русский язык через польский язык.

Ко **второй** группе относятся слова, возникшие в русском языке в исследуемый период благодаря польскому языку-посреднику, который стал таковым лишь для небольшой части немецких слов. Это связано с тем, что

при организации своего государственного управления Польша, в свою очередь, тоже заимствовала опыт, а с ним и лексику из различных областей науки и искусства у Германии. Находясь с Польшей в более близком соседстве, чем с Германией, Россия заимствовала немецкие названия из польского языка, например, лексику из области медицины и искусства: “От комедии с библейским содержанием скоро перешли к балету: в 1674 году на заговенье царь с царицей, детьми и боярами смотрели в Преображенском комедию, <...> после чего немцы и дворовые люди <...> играли на **фиолях, органах** и на **страментах** и танцовали” [5, с. 257]. Характер заимствований, их судьба и роль в процессе структурного формирования и выработки норм литературного языка в большой степени зависят от характера и типа самих языковых контактов.

Такие заимствования (до первой трети XVII в.), как *бант* (< Band), *грунт* (< Grúnd), *маляр* (< Máler), В. Кипарский считает вошедшими в русский язык через посредство польского. Слова *мастер* (< Méister) и *герцог* (< Hérzog) он считает сугубо немецкими заимствованиями [14, с. 106]. Через польский язык во время царствования Екатерины II в русский язык пришли немецкие слова *аптека* (< Apotheke), *фляжка* (< Flasche), *карты* (< Spielkarten), *кухмистр* (< Küchenmeister), *танец* (< Tanz), *тарелка* (< Teller), в то время как прямых немецких заимствований было немного: *граф* (< Gráf), *попугай* (< Paragei), *стул* (< Stuhl), *ишьяна* (< Schlapphut) [14, с. 106-107]. Судя по германским источникам, возможно, через польское посредство заимствованы также следующие немецкие военные термины: *бомба* (< Bómbe), *гранат* (< Granát), *ладунка* (< Ladung), *ника* (< Pike), *штык* (= Bayonett, < Stich), *штурма* (= машина для штурма крепости), *вахмистр* (< Wachtméister), *ярмарка* (< Yahrmarkt), *календарь* (< Kalénder), *комедия* (< Komödie), *мундштук* (=Mundstück), *пекарня* (< Bäckerei), *почта* (=Post), *слезар* (< Schlosser), *шруба* (< Schraube), *штука* (< Stück) [14].

К **третьей** группе можно отнести следующие немецкие слова, появившиеся в русском языке через посредство немецкого, хотя их принято относить к другим языкам: *агент* (< Agént), *адмирал* (< Admirál), *алкоголь* (< Álkohol), *аппетит* (< Appétit), *гобой* (< Obóe), *гольден* (< gólden), *дезертир* (< Desertéur), *депутат* (< Deputíerte), *дефект* (< Defékt), *интерес* (< Interésse), *камера* (< Kámmer), *камзол* (< Kamisól), *лоцман* (< Lótse).

К **четвёртой** группе относятся слова, испытавшие влияние двух или нескольких языков-посредников, одним из которых был немецкий. К этой группе относятся слова: *апельсин* (< Apfelsíne), *гипотеза* (< Hypothése), *гонг* (< Góng), *зенит* (< Zenít), *интрига* (< Intríge), *кавалькада* (< Kavalkáde), *кармин* (< Karmín), *лакей* (< Lakái).

Благодаря промышленным, научным и культурным успехам Германия скоро привлекла к себе внимание других народов. Русские люди живо

интересовались жизнью этой страны, нравами и обычаями немцев. С появлением новых предметов и явлений русскими были заимствованы их немецкие названия. Для русского языка период XVII –XVIII вв. был ознаменован наиболее активным заимствованием немецкой лексики, основной причиной которого являлись исторические связи русского и немецкого народов, характеризующиеся экономическими, военными, политическими, культурными контактами, а также существованием реального двуязычия в XVIII веке русских и немцев.

Л и т е р а т у р а :

1. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики / В. А. Богородицкий // Частично используются данные Богородицкого В. А. о немецких заимствованиях XI – XIV вв. – М. – Л., 1935. – С. 345-346.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2008. – 1535 с.
3. *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV – XVI вв. / И. Б. Греков. – М., 1963. – С. 200.
4. *Грот Я.* Филологические разыскания / Я. Грот – СПб., 1899. – С. 386.
5. История культуры древней Руси. – Т. I. – М. – Л., 1951. – С. 348, 394 – 395.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский // Литературные портреты. – М. : Мысль, 1991. – 258 с.
7. *Князьков С.* Из прошлого русской земли. Время Петра Великого / С. Князьков. – М. : Планета, 1991. – 710 с.
8. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М., 2001. – 672 с.
9. *Попова М. В.* Германские заимствования в русской мореходной терминологии / М. В. Попова [автореф. дис. ... канд. филол. наук]. – Воронеж, 2000.
10. *Потёмкина Н. Ф.* Из истории немецких заимствований в русском языке / Н. Ф. Потёмкина // Вопросы русского языкознания. Ученые записки. – Т. 98. – Рязань, 1971. – С. 171–186.
11. *Соловьёв С. М.* История Руси с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – М., 1961. – Кн. 6. – С. 605.
12. *Тихомиров М. Н.* Русская культура X – XVIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1968. – С. 191-192.
13. *Шахрай О. Б.* К проблеме классификации заимствованной лексики / О. Б. Шахрай // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С. 53–58.
14. *Hüttle-Worth Gerta.* Die Bereicherung des Russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956.
15. *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. Bd 3: Entwicklung des Wortschatzes. – Heidelberg: 1975 (1934). – S. 55–143.
16. *Unten Jwan III.* (1462 bis 1505) hat Moskau die entscheidende Wende nach Westen vollzogen, K. Forstreuter. Preußen und Rußland im Mittelalter, Berlin, 1938. – Seite 54.

Кувишинова Н. М. Німецькі запозичення і шляхи їх проникнення у словниковий склад російської мови

В російській мові значну частину іношомовних слів складають німецькі лексичні запозичення, аналіз яких дозволив автору продемонструвати широкий спектр процесів семантичного освоєння німецьких запозичень та визначити ті історичні умови, які сприяли запозиченню німецьких слів. Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: німецькі лексичні запозичення, семантичний об'єм, власне німецькі слова, мова-посередник.

Kuvshinova N. M. German borrowing and how they enter into the vocabulary of the Russian language

In Russian language, the significant part of foreign words are German lexical borrowings, analysis of which allowed the author to demonstrate a general spectrum of processes of semantic adaptation of German borrowings and to determine the historical conditions that contributed to borrow German words. The research is based on actual data obtained by different linguists, and on the results of the author's own observations.

Keywords: German lexical borrowings, semantic content, actual German words, intermediate language.

Кудря О. А.

**Горлівський інститут іноземних мов
ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”**

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНА СКЛАДОВА СЕМАНТИКИ АНГЛІЙСЬКИХ ТА УКРАЇНСЬКИХ ВТОРИННИХ КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ

У статті з позиції лінгвокультурології розглядається семантика вторинних кольоропозначень, дібраних з англійських та українських тлумачних словників. Автор описує мовну картину світу, яка вербалізується за допомогою кольоропозначень, що походять від назв різних об'єктів-еталонів, зосереджує увагу на вияві національних особливостей та ізоморфних рис при виборі назви об'єкта для творення зазначених одиниць в англійській та українській мовах. Актуальність дослідження визначається загальною тенденцією сучасної лінгвістики до порівняльного вивчення одиниць мови та відсутністю ґрунтовного аналізу вторинного семіозису англійських та українських кольоропозначень.

Ключові слова: вторинні кольоропозначення (КП), лінгвокультурологічні особливості, вторинний семіозис кольоропозначень, об'єкт-еталон.

Кольоропозначення (далі КП) з позиції лінгвокультурології розглядаються як “одна із значущих когнітивних категорій в осмисленні навколишнього світу людиною, а також як місткий культурний код” [1, с. 4], ажде “значення назв кольору являють собою артефакти культури” [3, с. 285]. КП становлять “номінативну мовну одиницю”, яка водночас є “носієм і джерелом національно-культурної інформації” [3, с. 38]. У мові знаходять своє відображення й разом з тим формуються “цінності, ідеали й установки